

DOI 10.15826/izv2.2020.22.2.040
УДК 323.27:323.22:94(44)“1789”(049.32)

М. Ю. Чепурина
*Государственный академический
университет гуманитарных наук*
Москва, Россия

СЛИШКОМ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ГЕРОЙ

Рец. на кн.: *Leuwers H. Camille et Lucile Desmoulins. Un rêve de république. — Paris : Fayard, 2018. — 437 p.*

Автор рецензирует монографию Э. Лёверса о Камилле и Люсиль Демуленах. Содержание работы Э. Лёверса анализируется в сравнении с бытующими в русскоязычных работах представлениями о Демулене — одном из ярчайших деятелей Французской революции XVIII в. Лёверс опровергает представление о своем герое как о невинной жертве террора и показывает, что Демулен был также творцом этой системы, и даже под конец жизни если и критиковал ее, то весьма сдержанно; что дантонистов как сплоченной группировки не существовало. Отдельное внимание уделяется ряду оригинальных замечаний и находок исследователя, например, о том, почему Демулена принято называть по имени. В качестве недостатков работы отмечаются не вполне удавшаяся попытка создания коллективной биографии политического деятеля и его жены и отказ автора о того, чтобы внятно высказать собственное видение личности Демулена и попытаться объяснить причины его идейной эволюции — от мягкости к насилию и обратно.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Демулен; Лёверс; Французская революция; якобинцы

Благодарности

Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

Ц и т и р о в а н и е: *Чепурина М. Ю.* Слишком положительный герой. DOI 10.15826/izv2.2020.22.2.040 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 2 (198). С. 309–315. Рец. на кн.: *Leuwers H. Camille et Lucile Desmoulins. Un rêve de république. — Paris : Fayard, 2018. — 437 p.*

*Поступила в редакцию: 18.03.2020
Принята к печати: 17.04.2020*

Maria Yu. Chepurina

State Academic University for the Humanities
Moscow, Russia

TOO POSITIVE A CHARACTER

Review of: Leuwers, H. (2018). *Camille et Lucile Desmoulins. Un rêve de république*. Paris: Fayard. 437 p.

The author reviews a monograph by Hervé Leuwers devoted to Camille and Lucile Desmoulins. Camille Desmoulins is the one of the brightest figures of the French Revolution of the eighteenth century. This article shows the difference between H. Leuwers' idea of Desmoulins and those present in Russian publications. Leuwers states that Desmoulins was not an innocent victim of terror at all and demonstrates that, on the contrary, he was also a creator of the system though he criticised it very moderately at the end of his days. Additionally, Leuwers' research shows that the Dantonists were inexistent as a closely-knit group. The reviewer pays special attention to some original notes and findings of the researcher, e.g. why Desmoulins is called by his first name only. The reviewer points out some drawbacks of Leuwers' book, such as the author's not entirely successful attempt to write a collective biography of the politician and his wife. Also, the reviewer points out the fact that Leuwers refuses to express his own vision of Desmoulins' personality and explain the reasons for his ideological evolution from lenience to violence and back.

Key words: Desmoulins; Leuwers; French Revolution; Jacobins

Acknowledgements

The research is supported by a grant from the Government of the Russian Federation as part of the sub-programme “Institutional Development of the Research Sector” of the State Programme of the Russian Federation “The Development of Science and Technology” for 2013–2020. Contract No. 14. Z50. 31. 0045.

For citation: Chepurina, M. Yu. (2020). Slishkom polozhitel'nyi geroi [Too Positive a Character]. *Review of:* Leuwers, H. (2018). *Camille et Lucile Desmoulins. Un rêve de république*. Paris: Fayard. 437 p. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 2 (198), 309–315. doi: 10.15826/izv2.2020.22.2.040

Submitted: 18.03.2020

Accepted: 17.04.2020

Камилл Демулен — персонаж, как правило, незнакомый тем, чьи знания о Французской революции ограничиваются школьным курсом истории, но несомненно известный всякому, кто хоть немного сам интересовался этим невероятным периодом. Находящийся где-то между первым и вторым рядами деятелей данной эпохи, он до сих пор не удостоился ни одной опубликованной на русском языке биографии — ни оригинальной, ни переводной. Возможно, дело в том, что Демулен, или Камилл, как часто называют его по-свойски и современники,

и историки, выглядит слишком уж беспроблемным, слишком положительным героем, за которым твердо закрепились слава трогательного романтика, безвинно унесенного революционной бурей, бесстрашного критика террористического режима, уничтоженного своим некогда другом, одноклассником, Робеспьером, и нежного молодого супруга, чья жена отправилась на гильотину сразу вслед за ним. К этим трогательным характеристикам, казалось бы, и добавить-то нечего...

Между тем у французских исследователей Демулен достаточно популярен. Каталог Национальной библиотеки Франции выдает несколько десятков единиц хранения, связанных с этим героем. В течение XXI в. на французском языке вышло уже как минимум три книги про Камилла [см.: Вопп, 2006; 2010; Wilhelm]. И это не считая опубликованной в 2018 г. работы Э. Лёверса, которой и посвящена данная рецензия.

Автор, имя которого уже известно отечественным историкам [Лёверс, 2015; 2020; Чепурина], назвал свою очередную монографию «Камилл и Люсиль Демулены: мечта о республике» и тем самым подчеркнул, что пишет не только о политическом деятеле, но и о его жене. Отмечая, что хотя историки обычно противопоставляют супругов (он — активный деятель революции, она — хранительница домашнего очага), Лёверс указывает на то, что друзья воспринимали их как единое целое, так что и он задался целью написать коллективную биографию этой четы так, чтобы Люсиль выглядела не тенью мужа, а полноценной героиней в контексте своей эпохи (р. 12). Впрочем, эта мысль, хотя и хорошо ложится в современный тренд на гендерное равенство, не нова: и в XIX, и в XX в. историки уже выносили в заглавие своих книг имена обоих супругов [см.: Bertaud; Claretie; Michel]. Лёверс начинает повествование с женитьбы родителей одного супруга, затем другого; далее он тщательно излагает все, что предоставляют имеющиеся источники о детстве и юности каждого из них. И все же, когда речь доходит до революции и связанных с нею политических хитросплетений, внимание закономерно сосредотачивается на Камилле, а Люсиль неизбежно превращается в приложение к мужу; самостоятельным персонажем она выглядит разве что при описании тех нескольких дней, на которые она пережила его.

История жизни Демулена до революции так и напрашивается, чтобы сравнить ее с аналогичным этапом биографии Робеспьера: оба северяне, оба юристы, почти ровесники, товарищи по учебе в колледже Людовика Великого. Но, в отличие от Робеспьера, дореволюционная биография Камилла не отмечена ни победами в судах, ни нашумевшими публикациями. На фоне других типичных деятелей эпохи он, можно сказать, выглядит странно: не участвовал в конкурсах сочинений, не защищал взбунтовавшиеся парламенты в 1788 г. и, напротив, поддерживал реформу Ламуаньона, согласно которой их деятельность приостанавливалась, ссорясь тем самым со всем юридическим миром (р. 55, 66, 73). Если Робеспьер это адвокат-литератор, то Демулен — отдельно адвокат, отдельно поэт, отмечает Лёверс (р. 51). Кстати, о школьной дружбе этих двоих почти не упоминается, так что остается непонятным: то ли о ней нет сведений

в источниках, и это еще один исторический миф, то ли автор просто не посчитал эту тему заслуживающей внимания. Зато история ухаживаний Демулена за будущей тещей, которую порой стыдливо обходят молчанием, освещается автором в полной мере.

В начале революции Демулен предстает чрезвычайно радикальным для того времени журналистом. Лёверс отмечает, что уже тогда, в брошюре «Свободная Франция», его герой отождествлял монархию с деспотизмом и ругал всех королей как таковых, за что брошюру даже приговорили к сожжению (р. 110–112). Он бесстрашно нападал на тех депутатов Учредительного собрания, которых считал плохими, критиковал пытки и смертную казнь, высказывался против деления страны на провинции (р. 130–131, 136, 139). Автор обращает внимание на склонность Демулена смешивать личное и общественное: так, со страниц своего периодического издания «Революции Франции и Брабанта» он мог обращаться к собственному отцу, возлюбленной или будущему тестю (р. 124, 171). По мнению Лёверса, Демулен положил начало новой разновидности журналистики — журналистике мнения и действия (р. 129).

Очень интересны рассуждения исследователя о том, как и почему вошло в обиход называть Демулена просто Камиллом. Мнение о том, что таким образом подчеркивается детскость, непосредственность, романтичность журналиста, не кажется Лёверсу убедительным. На его взгляд, «Камилл» превратилось к 1790 г. во что-то вроде прозвища или дополнительной фамилии, ввиду чего его носителя порой писали в алфавитных списках на букву С и через дефис: *Camille-Desmoulins*. Не в последнюю очередь это, видимо, произошло из-за латинского происхождения имени. Говоря «наш Камилл», современники могли ассоциировать Демулена с римским полководцем Марком Фурием Камиллом: тот спас Рим от галлов, этот теперь спасает от контрреволюционеров. В эпоху, когда многие величали себя Анаксагорами или Гракхами, настоящее римское имя действительно могло выглядеть прозвищем (р. 177–178).

В начале 1791 г., как отмечает Лёверс, в домашней жизни только что женившегося Камилла всё хорошо, между тем врагов революции он разоблачает яростно как никогда: критикует Лафайета, сожалеет о смерти Мирабо, но считает, что тот приносил только вред. О нем сплетничают, его выводят в театре, о его жене распространяют абсурдные домыслы; наконец, однажды на улице его бьют его же собственной газетой по лицу, на что он отвечает ударом трости... (р. 176–187). И одновременно в стенах своей квартиры Демулен наслаждается уютом, семейным счастьем, дружеским общением — Лёверс мастерски описывает эту счастливую атмосферу и захватывающие дух детали быта XVIII в.

Проходит еще немного времени. Периодическое издание Демулена теряет популярность и закрывается; несколько попыток создать другую газету тоже оказываются не слишком удачными (р. 194, 225, 244). Но во всем остальном он успешен: 6 июля 1792 г. рождается сын, через месяц журналист участвует в восстании, приведшем к падению монархии. Еще месяц спустя он депутат Конвента. Мечта Камилла об учреждении республики сбылась! Между тем, он

становится все более нетерпим к тем, кого считает врагами. Лёверс обращает внимание на то, что, когда начинается суд над королем, Демулен высказывается о нем в том же террористическом, антиправовом ключе, что и Сен-Жюст: король виновен уже в том, что он король (р. 250). Тогда же он азартно нападает на Бриссо (совсем недавно бывшего одним из гостей на его свадьбе), обвиняя того в связях с Лафайетом. Видимо, Демулен действительно был убежден в том, что Бриссо заговорщик, отмечает Лёверс (р. 215, 262). Что же заставило его так считать? Какая сила внезапно превратила влюбчивого стихотворца в одну из пружин, приводящих в действие почти уже собранную машину террора? Пожалуй, ответа на этот вопрос книге Лёверса не хватает больше всего. Было ли это чье-то влияние? Или просто неосторожные слова, о последствиях которых Демулен мало задумывался? Поддался ли он глобальным веяниям, был ли унесен общим потоком? Или всё это одновременно? Мы не знаем.

Возможно, этот вопрос так и останется без ответа. В важнейший момент революции, летом-осенью 1793 г., в начале Террора, Демулен молчит (р. 284). Лёверс отмечает лишь, что казнь жирондистов он был подавлен (р. 285). Возможно, этот эпизод дал понять Камиллу, что жестокие слова могут иметь последствия в виде жестоких действий? Так или иначе, уже через месяц он появляется в новом качестве — в качестве издателя «Старого кордельера», последней своей газеты.

Принято считать, что на рубеже 1793–1794 гг. из среды революционеров выделился «левый фланг» во главе с Эбером, который выступал за усиление террора, контроль цен и дехристианизацию, а также «правый фланг» во главе с Дантоном, который высказывался за ослабление террора, именовался «умеренными» или «снисходительными», и к которому Демулен и принадлежал. В центре находилась группировка Робеспьера, которой оппонировали те и другие, и которая в итоге и уничтожила и «правых», и «левых».

Издание «Старый кордельер» нередко предстает как рупор дантонистов. Однако анализ текста этого издания, проделанный Лёверсом, ставит под сомнение это распространенное суждение. Лёверс указывает, что Демулен отрекся от того, что якобы выводит Робеспьера под видом римских тиранов (р. 295). Голосом последнего Камилл стремился быть не в меньшей степени, чем голосом Дантона; современники ассоциировали его и с кругом одного, и с кругом второго. Демулен, вопреки ожиданиям, не призывал к полной ликвидации террора: без трибунала и кровопролития обойтись, по его мнению, было невозможно, только применять их стоило в меру. Оправдывая террористические меры, он, как и большинство соратников по революции, ссылаясь на обстоятельства (Ibid.). Знаменитый «комитет милосердия», создать который призывал Демулен, вовсе не означал амнистию, утверждает Лёверс: он отделял бы заблудших и несправедливо заключенных от тех, кто сидит за дело, а справедливость проверяли бы люди Робеспьера (р. 297). Сам Демулен умеренным себя не считал (р. 299). Он одобрял Комитет общественного спасения, революционный порядок управления и даже частичное ограничение свободы прессы; вот только о произвольных арестах сожалел (р. 307). Дантон не защищал его от нападок якобинцев, а вот

Робеспьер поначалу пытался. В итоге, приходит к выводу Лёверс и вместе с ним читатель, не исключено, что так называемые «дантониисты» — это не реально существовавшая группировка, а набор случайных людей (р. 296), конструкт, созданный политической пропагандой, затем подхваченный историками. Такой вывод представляется интересным и вполне обоснованным.

Гибель Демулена и его жены окружена рядом семейных трагедий, не слишком известных, но о которых благодаря книге Лёверса может узнать читатель. Незадолго до ареста Камилла умер один из его братьев, в день ареста умерла мать, через полгода — отец, еще через полгода — тесть (р. 323, 340). По совпадению или нет, революционная буря, уходя, забрала две семьи почти в полном составе.

Между тем, уже в следующем, 1795 году отношение к Демулену, приговоренному к смерти революционным трибуналом, в корне изменилось. Он «стал бедным Камиллом, несчастным Камиллом, погибшим в борьбе с тиранией Комитета общественного спасения» (р. 342). Лёверс обращает внимание на то, как быстро сформировалась эта легенда о невинном мученике и как легко ее приверженцы игнорировали роль Демулена в расправе над жирондистами: напротив, в эпоху Директории он стал в один ряд с ними, невинными жертвами революции; между тем, Дантона, например, замечает Лёверс, в этот ряд не включили (р. 343–344). Сын Демулена Гораций (автор книги прослеживает его судьбу, насколько позволяют источники, до самой смерти) рос с мыслью, что его отец погиб за призывы к гуманности и что никаких антижирондистских памфлетов он не писал (р. 345). Образ любящего мужа, свободолюбивого журналиста и жертвы Робеспьера продолжал с тех пор тиражироваться в прессе и в исторических сочинениях. Его же мы находим в большинстве отечественных работ, где упоминается Демулен.

Кем же был он, если этот образ не соответствует действительности? Лёверс, кажется, намекает на свое видение этого персонажа следующей цитатой из Демулена, которую выносит в эпиграф: «Я намечтал республику, которую все теперь превозносят». Но четкого ответа на вопрос, кем был его герой, автор не дает. И он прав: ведь всякая окончательная характеристика обязательно будет упрощением, очередным ярлыком, а значит, ошибкой. Но после прочтения книги всё же нельзя удержаться от поисков подобной характеристики. Посредственный поэт и не очень-то успешный адвокат, которому революция предоставила новое поприще и слишком вскружила голову? Влекомый общим потоком политик, который «хотел как лучше», но даже не понял, что получилось? Публицист, который заигрался со свободой слова, не заметив, как разоблачения направо и налево и вербальное насилие вылились в насилие реальное?.. Или просто человек, которому случилось жить на сломе эпох, и который провалился в эту трещину между XVIII и XIX столетиями?

Каждый из читателей выберет ту характеристику, которая ему ближе. Хорошо бы, чтобы книга была переведена, и среди этих читателей появилось больше и русскоязычных.

Исследования

Лёверс Э. От защиты «обездоленных» к защите «народа». Путь адвоката Робеспьера // Французский ежегодник 2015: К 225-летию Французской революции. 2015. С. 44–62.

Лёверс Э. Французская адвокатура от Революции к империи // Французский ежегодник 2020: Войны и революции в Новое время. 2020. (В печати).

Чепурина М. Ю. Рец. на кн.: Лёверс Э. Робеспьер. Париж : Файард, 2014. 458 с. // Вопросы истории. 2015. № 12. С. 164–168.

Bertaud J. P. Camille et Lucile Desmoulins: un couple dans la tourmente. Paris : Presses de La Renaissance, 1986.

Bonn G. Camille Desmoulins ou la plume de la liberté: un cheminement révolutionnaire. Paris : Glyphe, 2006.

Bonn G. La Révolution française et Camille Desmoulins. Paris : Glyphe, 2010.

Claretie J. Camille Desmoulins, Lucile Desmoulins: étude sur les Dantonistes : d'après des documents nouveaux et inédits. Paris : Plon, 1875.

Michel H. Camille et Lucile Desmoulins: notes et documents inédits. Paris : Champion, 1908.

Wilhelm P. Camille Desmoulins: le premier républicain de France. Paris : Grancher, 2015.

References

Bertaud, J. P. (1985). *Camille et Lucile Desmoulins: un couple dans la tourmente*. Paris: Presses de La Renaissance.

Bonn, G. (2006). *Camille Desmoulins ou la plume de la liberté: un cheminement révolutionnaire*. Paris: Glyphe.

Bonn, G. (2010). *La Révolution française et Camille Desmoulins*. Paris: Glyphe.

Claretie, J. (1875). *Camille Desmoulins, Lucile Desmoulins: étude sur les Dantonistes : d'après des documents nouveaux et inédits*. Paris: Plon.

Chepurina, M. (2015). *Review of*: Leuwers, H. (2014). *Robespierre*. Paris: Fayard. 458 p. *Voprosy istorii*, 12, 164–168.

Leuwers, H. (2015). Ot zashchity “obezdolennykh” k zashchite “naroda”. Put’ advokata Robespjera [From Protecting the “Disadvantaged” to Protecting the “People”. The Path of Lawyer Robespierre]. *Frantsuzskii ezhegodnik 2015: K 225-letiiu Frantsuzskoi revolyutsii* [French Yearbook 2015: For the 225th Anniversary of the French Revolution], 44–62.

Leuwers, H. (2020, in print). Frantsuzskaia advokatura ot Revolyutsii k imperii [French Legal Practice from Revolution to Empire]. *Frantsuzskii ezhegodnik 2020: Voiny i revolyutsii v Novoe vremia* [French Yearbook 2020: War and Revolution in the New Age].

Michel, H. (1908). *Camille et Lucile Desmoulins: notes et documents inédits*. Paris: Champion.

Wilhelm, P. (2015). *Camille Desmoulins: le premier républicain de France*. Paris: Grancher.

Чепурина Мария Юрьевна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник лаборатории
западноевропейских и средиземноморских
исторических исследований
Государственный академический
университет гуманитарных наук
119049, Москва, Мароновский пер., 26
E-mail: chepurinamaria@yandex.ru

Chepurina, Maria Yurievna

PhD (History), Senior Researcher
Laboratory of Western European
and Mediterranean Historical Studies
State Academic University for the Humanities
26, Maronovsky Lane, 119049 Moscow, Russia
Email: chepurinamaria@yandex.ru
ResearcherID: K-5787-2017